

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ НАЧАЛО
В ПУБЛИЦИСТИКЕ КАРАВЕЛОВА

Первые шаги в литературе и публицистике болгарский писатель Любен Каравелов делал в Москве. В августе 1857 г. молодой болгарин приехал в русскую столицу и записался вольнослушателем на историко-филологический факультет Московского университета, где проучился всего два года. Тогда же группа московских болгарских студентов (среди которых были Р. Жинзифов, В. Попович, К. Миладинов, М. Дринов, Л. Каравелов и другие) создала литературное объединение — Московскую болгарскую дружину. Она начала издавать свой журнал на болгарском языке «Братски труд».

За период с 1860 по 1862 г. вышло всего четыре его номера. В третьем номере были опубликованы три стихотворения Каравелова и его перевод статьи: «Славяне в Германии»¹. Молодой автор не ограничивался переводом данной статьи. Он предварял его своим введением, в котором призывал славян выучить еще хотя бы по одному славянскому языку, кроме родного, дабы при составлении грамматических правил образцом служила грамматика родственного языка, а не немецкого или французского. Каравелов, например, считал, что у славян «в Средние века основой для сближения была вера, в новое время — политические связи, а в наше время — народность». Уже во введении Каравелов выдвинул идею славянского единения, которая присутствует в его политических проектах в разные периоды его жизни. В отличие от славянофилов Каравелов полагал, что религиозное или государственное

¹ Каравелов Л. Славяните в Немско// Братски труд, М., 1860. № 3. С. 59–70.

единство не является непременным условием славянской взаимности. В своем переводе статьи Каравелов продемонстрировал особый тип переводческой деятельности. Он не просто перевел статью для иноязычной читательской аудитории, а проявил активную гражданскую позицию по животрепещущим вопросам. И проделал это с поразительной уверенностью и достоинством. Всё-таки этот перевод был одним из первых его литературных опытов!

Одно из опубликованных в том же номере журнала «Братски труд» стихотворений — «Пастырь» — свидетельствовало об активной позиции Каравелова по отношению к церковному вопросу. В публикуемых им в русской прессе публицистических материалах тема церкви звучит постоянно.

Постоянно в разножанровых художественных произведениях Каравелова присутствует и публицистическая полемика. Автор комментировал наиболее актуальные для болгар вопросы о народности, языке и вере, о Просвещении, духовной и политической независимости, о суверенных правах каждого народа. Эта специфическая творческая манера писателя заметна уже в самых ранних его публикациях. Отмечается и иная тенденция — наличие приёмов, типичных для художественной литературы.

* * *

Церковная борьба в Болгарии, бесспорно, была главной темой болгарской журналистики в 60-е гг. XIX столетия в России. В то время в русской прессе печатались несколько болгарских публицистов. Наиболее активным из них был Райко Жинзифов. Для русской периодики писали также В. Попович, Н. Бончев, Л. Каравелов. Каждый из них делал это по личной инициативе, не будучи никем «уполномочен». Статьи по церковному вопросу, опубликованные в России, объединяли сходные акценты, представляли собой некое единое послание. Независимость болгарской церкви была не терпящим отлагательства вопросом, решить который можно было лишь совместными усилиями самих болгар и при поддержке извне. Именно вокруг этой проблемы формировалась болгарская

политика эпохи Национального возрождения. Не будучи официально политически сформулированной, она была связана с национальными болгарскими интересами и последовательно была направлена на их достижение.

В среде болгарской эмиграции, особенно в Румынии и России, зарождалось неофициальное национальное политическое представительство. Болгарская и зарубежная периодическая печать знакомили мир с болгарскими проблемами и болгарской позицией. Набирающая силу развивающаяся болгарская периодика становилась источником информации о событиях и политических интересах болгар. Этим вопросам были посвящены публикации болгарских авторов в иностранной прессе. Она, в свою очередь, создавала «коммуникативную публичность нации»² как среди своих, так и среди чужих.

* * *

Талант Каравелова-писателя проявился уже в первых его публикациях. Его мастерство и зрелость были просто поразительными. Ему не понадобилось много времени и практической работы, чтобы достичь глубины размышлений в своих статьях. Он создавал интересную беллетристику и яркую публицистику. Он умел убеждать читателя без назидательности и вызывал у него эмоции. Благодаря этим качествам его послания легко находили дорогу к сердцу читателей.

Свои первые статьи в России Л. Каравелов печатал в газетах «Наше время» (1861), «Московские ведомости» (1862), «Русская речь» (1862) и в журналах «Филологические записки», «Журнал Министерства народного просвещения» и «Библиографические записки». Затем во второй половине 1860-х гг. после своего переезда из Москвы в Сербию он работал корреспондентом газеты «Голос». Каравелов также писал статьи для газет «Москва», «Московские ведомости», «Русские ведомости». Облик его как публициста ярко представлен в уже первых его публикациях. Большая часть его статей не подписана, или в них присутствуют только инициалы автора. Исследова-

² См.: *Константинова Е.* Държавност преди държавата. Свърхфункции на българската възрожденска журналистика. София, 2000.

тели публицистики Каравелова — К. Копержинский³, С. Никитин⁴ и М. Димитров⁵ с большой долей вероятности устанавливают каравеловское авторство. Считается, что в общей сложности он создал около 80 публикаций. До своего отъезда из Москвы Л. Каравелов написал и напечатал в русских журналах и газетах около 20 статей.

В газете «Наше время» (1861, № 4) он опубликовал статью «Болгарская уния», в которой объяснял необходимость создания самостоятельной Болгарской церкви, отстаивая ее право на независимость. Источниками для него служили материалы из газеты «България», в которых отражался ход переговоров с униатами. В них Каравелов информировал русских читателей о требованиях, предъявлявшихся болгарами папе Пию IX. Они заключались в признании независимости болгарской церкви от греческой патриархии. Каравелов указывал на мнение авторов газеты «България», писавших, что в случае принятия папой условий болгар весь болгарский народ примет унию. Не ограничиваясь сообщением этого факта, он разъяснял мотивы, способные повлечь за собой такой акт. Болгары, по его убеждению, глубоко привязаны к православию. Но еще более они привязаны к своим духовным вождям, пользующихся их доверием. Этот факт и нетерпимость к фанариотам, которые перешли все границы моральных и финансовых безобразий, способны вызвать у болгар решение о смене своей религиозной принадлежности: «Болгарин так предан своему духовенству, что слово духовного лица считает святым и безгрешным... Примирить народ с греками-фанариотами невозможно, а дать народных архипастырей болгарам патриарх не

³ Копержинский К. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России // Ученые записки Института славяноведения. Т. 12. М., 1956. С. 174–210.

⁴ Никитин С. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения. Т. 4. М., 1952. С. 89–122.

⁵ Публицистика на Любена Каравелова до излизанетона вестник «Свобода» (1860–1869). Статии, дописки и писма. Издирил и подготвил за печат академик Михаил Димитров. София, 1957.

соглашается... Образованные болгары так злы на фанариотов, что решатся на всё, лишь бы не иметь с ними дела; обвинять болгар в этом отношении несправедливо: они находятся в отчаянии... народ думает, что уже достиг своей цели, он хочет не унию принять, а освободиться от греков-фанариотов...»⁶

Большая часть статьи его — это цитаты из брошюры «Болгары и высшее греческое духовенство», вышедшей в Стамбуле наряду с публикациями, помещенными в газете «България». Обилие цитат должно было внушить читателю мысль о том, что православные болгары вынуждены отказаться от православия. К этому шагу их подталкивают сами высшие греческие священнослужители: «Теперь фанариоты спохватились и всеми силами стараются удержать свои права. Вот что говорят некоторые из греческих епископов: “Пусть болгары принимают унию, католическую веру, протестантскую, магометанскую, или, если им угодно, хоть языческую, но мы не должны уступить и позволить им иметь отдельную иерархию или народных епископов. Фанариотам, конечно, выгодно, чтобы болгары решились на это, тогда народ разъединится и с ним нетрудно будет сладить”»⁷.

В большинстве напечатанных в русской прессе публикаций Каравелов опирался на данные болгарской периодики, за которой следил, чтобы иметь почти документальное представление о состоянии своих соотечественников и о том, что волновало в то время болгарское общество.

Он сообщал о христианских волнениях, о выступлениях против турецкой власти и писал конкретно о нападении 14 болгар на богатого турка неподалеку от города Сливен. Свое лаконичное сообщение он завершал словами: «Это первое нападение болгар на дом турка; таких примеров до сих пор не бывало. Увидим, что будет дальше»⁸. В конце статьи публицист использует беллетристический прием для того, чтобы заинтриговать читателя.

⁶ *Димитров М.* Указ. соч. С. 51.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 54.

Следующая большая статья также была посвящена теме борьбы за независимую церковь, но в ней более подробно описывались перипетии этой борьбы и попытки болгар провозгласить главой болгарской церкви еп. Илариона Макариопольского. Статья была опубликована в трех номерах газеты «Наше время» (1861, № 5, 7, 10). В ее основе лежал рассказ о событиях, описывавшихся в журнале «Българскикнижици», в «Цареградском вестнике» и греческой газете «Византис» — печатном органе Константинопольской патриархии. Каравелов предупреждал читателей о том, что тема является для них известной, и подчеркивал новые моменты в политике фанариотов и ее главную цель: «эллинизацию подвластной им паствы». Далее следовало спокойное, подробное описание многочисленных шагов, которые должен предпринять духовный глава епархии для своего избрания в соответствии с «каноном». Абсолютно серьезно автор рассказывал о том, что выборы эти, в сущности, подчинены другому канону — финансовым интересам высшего духовенства. Комизм ситуации передается посредством описания в рассказе подробностей. Благодаря этому статья превращается в увлекательное чтение. Комментарии автора заставляют вспомнить Каравелова-беллетриста.

«Бедные болгары! Здесь автор просто просил турецкое правительство наказать виновных; но спрашивается, кто виноват в том, что болгары не пытаются возродить Византийскую империю? Действительно, с греческой точки зрения, они очень виноваты и одновременно не виноваты, потому что “Византис” сразу же начинает печалиться о греках-фанариотах. В нем писалось о том, что «всякое патриотическое православное и чистое сердце сжимается, видя, что права греков попираются!!!»».

«Вот истинная логика! — восклицает Каравелов. — А болгарские права не попираются?..» (с. 58)

В другом месте беллетристическое начало начинает преобладать над публицистическим, внимание здесь концентрируется на различных сюжетных линиях: «Оставим наших греков спорить друг с другом и обратимся к болгарам. Болгары, как

мы говорили, в своих церквах поминали не патриарха, а пресвященного Илариона и в своих нуждах обращались к нему. В Софии вот что происходило...» (с. 65)

Каравелов рассказывает о событиях в Стамбуле и об интриганской политике греческой патриархии следующим образом. Он ставит в центр рассказа не их, а вспоминает о клевете фанариотов, утверждавших, что инициативу болгар спровоцировало русское посольство в турецкой столице. Тем самым Каравелов превращает русского читателя в слушателя, участвующего в болгарских событиях. Говоря о преступлениях высшего греческого духовенства, о церковных канонах рукоположения архиереев, он приводит цитату, в которой речь идет о положительном примере из жизни русской церкви. А в заключение этой большой статьи публицист обращает внимание на вездущую между Грецией и Россией борьбу за влияние на болгарских христиан. Это еще одна деталь, не оставившая русского читателя равнодушным.

Каравелов не оставлял эту тему и в дальнейших публикациях. В № 20 газеты «Наше время» он информировал русских читателей о временном приостановлении попыток сделать болгарина духовным главой соотечественников. Он сообщал это в заметке, говоря об очень серьезных вещах: об аресте и заточении Илариона Макариопольского и Авксентия Велеского. Вероятно, лаконичность автора связана с его желанием не досаждать аудитории, еще раз повторяя подробности предыстории заточения. В каждом связанном с болгарским церковным вопросом материале упоминалось о том, что решить этот вопрос можно, присоединившись к унии православных русских. Автор как бы предупреждал, что нельзя стоять в стороне от решения болгаро-греческого церковного вопроса. Он напоминал, что защита православия — духовный долг и политический интерес Российской империи.

Этот своеобразный апогей борьбы болгар за независимую церковь не смог решить проблемы. Каравелов продолжал писать на эту тему, будучи убежден, что в русском обществе к ней необходимо поддерживать живой интерес. В газете «Московские ведомости» (1864 г., № 7) он опубликовал очередной ма-

териал—предупреждение о ведущейся среди болгар постоянной религиозной пропаганде. Светская и духовная политика вновь переплетались в сложнейших интригах. Центральное место в них занимали попытки создать напряженное отношение между болгарам и Россией. Греческие, римские и американские священники распространяли клевету среди христиан Болгарии и чинили препятствия болгарам, получившим образование в России:

«Они начинают пугать болгар Россией, говоря, что та использует всевозможные средства для удержания болгар под турецким игом, якобы для того, чтобы впоследствии подчинить их своей власти и сделать своими работниками или мужиками, рабами... Если хотите уберечься от русских людоедов, — говорят они, — от греческого духовенства и турецкого правительства, то вас спасёт только дружба с французским императором, а дружба эта может возникнуть только тогда, когда вы сделаетесь католиками, или по крайней мере униатами» (с. 121).

Каравелов в очередной раз подчеркивал, что болгарский церковный вопрос является инструментом европейской политики против России. В этой статье вновь прозвучало его постоянное напоминание о том, что, несмотря на кажущуюся периферийность, данный вопрос важен для русского православия и русского государства. В этот же период в газете «День» (№ 22) вышла и статья Каравелова «Греческие архиереи в Болгарии», в которой он уже с другой трибуны снова разъяснял происхождение сильной вражды между болгарам и греками и заключал: «Болгары ненавидят греков еще более, чем турок». Статья его вызывала интерес читателей благодаря присутствию в ней исторических деталей. Есть в статье и беллетристическое описание действительно имевших место конфликтов между греками и болгарам. Позднее, будучи корреспондентом газеты «Голос», Каравелов вновь повторял рассказ о насилии в церкви Плевена и о жестокости греков по отношению к болгарам при сборе церковной дани. Он стремился к тому, чтобы информация о бесчинствах фанариотов дошла до различных читательских слоев читателей России.

* * *

В Московский период своей жизни Каравелов выступил и как литературный критик. Первые его литературно-критические статьи были напечатаны в газете «Наше время». В № 26 этого издания за 1861 г. он познакомил читателей с исследованием Ивана Снегирёва — профессора этнографии, преподававшего в Московском университете. Говоря о курсе лекций этого ученого «Лубочные картины русского народа в московском мире», Каравелов обратил внимание на новаторскую ценность этого сочинения, назвав его «полезным трудом». В то же время он не побоялся высказать и некоторые критические замечания, указывая на присутствие в труде ряда слабых мест. А ведь это была первая художественно-критическая работа Каравелова!

В том же году вышла и вторая каравеловская публикация, связанная с литературой и культурой — на этот раз уже болгарской. В журнале «Библиографические записки» появилась его статья «Библиография болгарской литературы». Автор писал, что он приводит обзор только тех книг и периодических изданий, которые были ему доступны, и не претендует на подачу исчерпывающих сведений. Статья была библиографической, но Каравелов добавил к библиографии и свои собственные краткие оценки.

Год спустя в № 153 и 154 «Московских ведомостей» Каравелов в статье «Болгарская журналистика» перед перечислением и характеристикой болгарских периодических изданий знакомил русского читателя с культурным контекстом, в котором они появились. Он пытался определить начало литературной жизни на своей Родине. Подчеркивая роль развивающегося светского образования в Болгарии, Каравелов знакомил русского читателя с заслуженными учителями-книжниками. И здесь он не забывал о теме болгаро-греческого спора, переводя его в плоскость культуры и просвещения. Рассказывая о замене греческого образования болгарским, он писал о фрагментарности знаний, которые греки давали учащимся болгарам. Не желая, чтобы это обвинение было голословным, Каравелов подкреплял его рассказом учителя-грека о России

на уроке географии: «Это государство дикое и необразованное, жители его питаются травами и чуть ли не ходят на четырех ногах. О пространстве русской земли и о числе жителей не было и помина, разве только указывалось, что в России живут греческие колонисты, причем в числе, едва ли не превышающем самый русский народ. Упоминали, что в России много греческих церквей и монастырей, за что будто бы и подарили византийские императоры русскому царю свой герб» (с. 90).

Этот пример Каравелов приводит, чтобы вызвать гнев русских и чтобы русская общественность защитила его соотечественников от греков. Он не только приводил доказательства угнетения болгар греками, но и показывал, что греческая политика по отношению ко всем неэллинам, в том числе к России, обидна, оскорбительна. Каравелов отмечает, что греки проявляют уважение только к Франции. Вызвав негативные эмоции у читателей, публицист старается пробудить у русских сочувствие к своему народу. Продолжая рассказ о болгарском культурном и литературном возрождении, Каравелов говорит о русском присутствии в этом процессе. Он искренне убежден, что русская инициатива, образование, наука и культура способствуют возрождению болгарской культуры. Пробуждение болгарского народа началось после того, как первые русские воспитанники вернулись на родину. Среди них и учитель Каравелова Найден Геров. Поколение Н. Герова положило начало «настоящему болгарскому Возрождению, а вместе с ним и литературной деятельности» (с. 91). Каравелов уделяет внимание заслугам Венелина, труды которого способствовали болгарскому возрождению. Описывает его легендарное присутствие в сознании своих соотечественников. И все же в заключении он пишет: «Смысл сочинений Венелина был понятен, может быть, одним ученикам Герова, но народу они не были понятны; народу нужны были не критические рассуждения, а простые рассказы о его истории, и эту историю народ нашел в “Царственнике” Х. Дупничанина; это была история народа в простых и понятных народу рассказах, и потому она имела большое влияние на

развитие народа. Ненависть к грекам, уснувшая на время, пробудилась с новой силою...» (с. 91).

Каравелов сумел в увлекательном историческом рассказе поведать о конфликте с греками еще во времена Средневековья и логично объяснить его возобновление в XIX в. Он напомнил и о напряженных отношениях между Турцией и Россией. Отмена греческого языка в школах и церквях в Болгарии стала катализатором процесса возрождения болгарского народа. Один из важных его элементов — создание болгарской литературы. Лишь к середине статьи автор приступает к теме, заявленной в заглавии, — болгарской журналистике.

О чем бы не писал Каравелов, он не упускает возможности осветить масштабно или хотя бы напомнить русской общественности о важных для Болгарии проблемах: о греко-болгарском церковном споре, о настойчивости католических миссионеров, о напряженных отношениях с турками. Он напоминает и о собственных конфликтах русских с врагами Болгарии, ожидая активности россиян в разрешении этих проблем. В упомянутых выше обзоре болгарской журналистики автор положительно оценивает роль болгарской периодики, пользующейся спросом у его соотечественников. Критическое отношение к некоторым изданиям не умаляет их значимости. Каравелов старается создать положительный образ Болгарии.

Некоторые болгары, публикующиеся в русской прессе, по мнению Каравелова, формируют у русских неверное представление о его родине. Он резко критикует Райко Жинзифова — другого активного болгарского журналиста, живущего в Москве.

* * *

Л. Каравелов не согласен с официальной политической позицией славянофилов по отношению к народам, родственным русским. Это другая широкая тема его публикаций в русской прессе. Он публикует, хотя и без подписи, свои заметки и в газете «День» (например, «из Болгарии», 21.10.1861, № 2). Несмотря на сотрудничество с газетой, он позволяет себе кри-

тиковать некоторые славянофильские позиции издания и его редактора Ивана Аксакова. В статье «По поводу Славянофильского отдела "День", опубликованной в газете «Русская речь» (1862, № 1), Каравелов подвергает жесткой критике отдельные публикации славянофильского издания.

Во вступлении он говорит о необходимости и пользе периодического издания, выходящего в Москве, которое знакомило бы русских со славянофильским миром: с историей, литературой славян, их бытом, их проблемами. Польза от такого издания была бы двусторонней — и для русской науки, и для остальных славян. Но пока такое издание существует только в мечтах и пожеланиях, нужно, чтобы журналы открыли «Славянские отделы». Надежда появляется, когда газета «День» объявляет, что в ней будет Славянский отдел. Но ожидания Каравелова не оправдались.

Первый номер газеты вышел без заявленного славянского отдела из-за того, что не было известий из славянских стран. Во втором номере эта рубрика была уже заполнена, но с сообщением о том, как «в эту минуту болгары имеют честь идти рука об руку с греками, и эти новые друзья "с кулаками и дубинами" пошли против униатов» (с. 82).

Публицистический акцент Каравелов делает на естественно возникающем вопросе: какой образ болгар вырисовывается из сообщения газеты «День»? Едва ли борьба за независимость церкви может быть охарактеризована этим болгаро-греческим эпизодом.

Писатель тревожится о том, какое же представление формируется у русских о Болгарии, о которой рассказывает эта публикация. Она напечатана в газете «Цариградски вестник». Эта газета — основной источник новости, свидетельствующей о непоследовательности болгарских требований. Некорректно отождествлять политику только одного издания с политикой болгар вообще. Каравелов не страшится обвинить главного редактора «Цариградского вестника» в том, что он служит интересам того, кто платит ему последним. Это недостойно человека, работающего в журналистике, но лишённого личного мнения. Но его мнение не доказывает нестабильность

болгарской позиции: оно искажает весь смысл борьбы болгар за церковную независимость. Каравелов убежден, что о соглашательстве между болгарами и греками не может быть и речи, хотя часть русских политиков желала бы этого:

«...удивительно, что эти продажные известия о симпатиях болгар к грекам с радостью принимаются в Москве и с торжеством являются в Славянском отделе “Дня” ...в газете, первым делом которой было бы подать руку болгарам против давнишних их врагов, мы находим, напротив, сочувствие дикому цариградскому известию, что болгары идут рука об руку с греками» (с. 83).

Далее Каравелов подвергает критике две статьи Райко Жинзифова, опубликованные в той же газете «День». В остром споре со своими соотечественниками публицист стремится к тому, чтобы его слова не были восприняты как критика болгар вообще. В своих русских материалах Каравелов стремится вызвать симпатию к своему народу.

Рецензируя путевые заметки русского путешественника Николая Берга, Каравелов приходит к выводу, что иногда лучше ничего не знать о болгарях и их судьбе, чем представлять их в неверном свете. Рассказывая о славянах, живущих в Османской империи, Берг называет их «черными». Поводом для этого является их внешний вид: темные волосы и глаза, более смуглая кожа в сравнении с северными славянскими народами. Но определение Берга наводит на мысль о сближении «черных» славян с неграми (по социальной судьбе и житейской участи). Суждения Берга неверны и обидны для них: «Все черные славяне — это последние люди европейской цивилизации, почти то же, что турки, ничего не сделавшие для европейского мира; не имеющие литературы, не давшие ни одного серьезного деятеля в науке, нисколько не похожие на европейцев с виду»...» (с. 104).

Комментируя мнение Берга, Каравелов отклоняется от обсуждения конкретной публикации и сравнивает его аргументы с аргументами высокопоставленных европейских политиков о христианских народах, живущих в Османской империи. Он даже начинает иронизировать над нелестными

оценками и проистекающими из них «решениями» о судьбе южных славян. В заключение болгарин пишет, что лучше бы русская журналистика вообще не вспоминала о балканских народах. Неведение предпочтительнее, чем неверная информация!

Карavelов отдает себе отчет в том, что ситуация в болгарских землях сама по себе не вызывала бы такого большого интереса, если бы Болгария не была связана с судьбой славянского мира. Он понимает, что его журналистские публикации, в которых болгарские проблемы рассматриваются на более широком фоне, в сочетании с аналогичными ситуациями во всем славянском мире, имеют больший вес, выглядят солиднее. В газете «Московские ведомости» он публикует статьи «Сербия и европейское равноправие» (№ 152), «Турция и славяне» (№ 155); в газете «День» — «Голос к Европе с Балканского полуострова». После 1854 г. он продолжает писать по данной проблематике в газете «Голос». В первой из статей после беглого обзора перемен в европейской истории и политической географии, он приводит доказательство того, что равновесие, которое Европа стремится сохранить, — это динамический, а не статический процесс. Он отстаивает право Сербии и всех других национальностей, живущих в турецкой империи, на политическую независимость, на самостоятельное существование. В свою статью он включает смешной рассказ, иллюстрирующий невежество турок, и таким образом, усиливает тезис о непреодолимой турецкой отсталости: «В Боснии один школьный учитель преподавал сербскому юношеству географию. На экзамен собралось в училище множество народу, и в том числе турецкий духовный сановник, слывший ученым человеком. Он спросил у одного ученика о причинах землетрясений. Едва мальчик начал отвечать, как ученый экзаменатор вскочил, бросился к учителю, замахнувшись на него кулаком, и закричал: «Лжешь, христианская собака! Земля стоит на быке, бык на лодке, а лодка на воде; как только быку залетит в ухо комар или муха, бык потряхивает головою, и от этого происходят землетрясения» (с. 88). Все присутствующие подержали «научное объяснение» духовного лица.

Следующие две публикации в основном составлены из цитат, взятых в газете «Болгария» и в чешской газете «Народни листи». В них речь идет о напряженных отношениях между болгарским населением и турецкими правителями, что усугубляется европейским присутствием в Османской империи. Главным виновником конфликтов на Балканах считается Россия. Каравелов комментирует, что Россия не может быть обвинена в подстрекательстве к выступлениям сербов, боснийцев, болгар, герцеговинцев, которые уже не могут терпеть бесчинства турок. В следующих материалах продолжают предупреждения европейским политикам, дабы они обращали внимание на напряженность на Балканах, а не только на польский вопрос.

Своими публикациями в газетах и журналах Каравелов информирует читателей о различных событиях, объясняет связи между ними. Он пытается прояснить три главные темы, которые интересуют читателей России, и укрупняет их масштаб. Упорно, но не скучно пишет о смысле и ходе борьбы за независимость болгарской церкви, о болгарских проблемах как части общеславянских проблем; о культурном развитии на его родине. Для освещения этих трех важных проблем публицист вырабатывает свою стратегию. Цель ее — привлечь внимание и вызвать сочувствие русских читателей к судьбе своих соотечественников. Порою он стремится вызвать гнев русской общественности, направляя ее возмущение на врагов болгар, приводит примеры антирусской политики Османской империи. Но ни в одной статье, однако, Каравелов не позволяет себе комментировать конфликты России с другими Великими силами. Они присутствуют в его статьях как деталь, но он не акцентирует на них внимание. Он не допускает равнодушного отношения к болгарским проблемам, но вместе с тем вспоминает о несправедливости по отношению к России. Он старается чередовать публицистический тон и беллетристические приемы, вплоть до анекдотов. Таким образом он умело придает разнообразие своим статьям. Он не проявляет досадную безразличность и не впадает в излишнюю патетику. Хотя сообщает много новостей из Болгарии. Его статьи полемичны

и зрели. Самите ранни свои статии и белетристическите произведения на Любен Каравелов публикува в Русия. Уж в тях он проявява своя талант.

Перевод с българското *М.Г. Смолъянинова*

РЕЗЮМЕ

ПОЛЕМИЧНОТО НАЧАЛО НА КАРАВЕЛОВАТА БЕЛЕТРИСТИКА

Статията проследява първите изяви на Любен Каравелов като публицист, които се осъществяват в Русия през московския период от неговия творчески живот. Макар и най-ранни, тези журналистически опити представят стратегическата позиция, начертана от автора, която той следва в книжовната си дейност в Русия, и която е подчинена на задачата да информира и да провокира руската общественост с българската тема. Борбата за самостоятелна църква, оформящото се желание за политическа независимост сред българите, разглеждано в общославянски контекст и книжовните новости и постижения на сънародниците му, са главните теми на Каравеловата руска публицистика. Още с най-първите си белетристични и публицистични прояви авторът изяснява своя талант.